

12+

АННА ТОКМАКОВА

Изобретательница

ПЕПЕЛ И ШЕСТЕРНИ

Анна Токмакова
Изобретательница.
Пепел и шестерни

<https://litres.ru/74147984>

ISBN 9785006996182

Аннотация

Талия, изобретательница из мира пара и механизмов, терпит крушение над деревней, где любое творение рук человеческих считают порождением Скверны.

Горан, кузнец, потерявший жену пять лет назад. Его жизнь — это кузница и молот. Его единственная радость — сын Данко.

Смогут ли они понять друг друга в мире, где ревность грозит костром, а доверие — роскошь, которую мало кто может себе позволить?

Содержание

Изобретательница. Пепел и шестерни	5
Глава 2. Запах лаванды	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Изобретательница Пепел и шестерни

Анна Токмакова

© Анна Токмакова, 2026

ISBN 978-5-0069-9618-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Изобретательница.

Пепел и шестерни

Глава 1. Пепел и шестерни

Небо разорвалось с металлическим хрипом.

Уши заложило от давления, зубы свело мелкой дрожью. Талия крепко сжала штурвал, вибрация прошла по кончикам пальцев — колючая, отчаянная, как предсмертная судорога.

«Стрекоза» умирала красиво и страшно. Пар вырывался из пробитого баллона левого борта с таким надрывным воем, будто огромный чайник решил возвестить о конце света.

— Ну же, девочка, не подведи, — прошептала Талия, перекрывая вентиль аварийного сброса.

Рычаг клапана обжег ладонь даже сквозь толстую кожу перчатки с медными заклепками. Стрелка манометра плясала в красной зоне, грозя разнести котел вдребезги раньше, чем они коснутся земли. Под брюхом дирижабля проплывали не городские шпили с флюгерами и не дымные трубы заводов, к которым она привыкла. Там, внизу, расстилось

бескрайнее, какое-то доисторическое море зелени. Деревья стояли плотной стеной, без единого просвета для нормальной посадки, лишь впереди, словно насмешка судьбы, желтело крошечное пятно пашни, упирающееся в серые валуны.

Удар был тройным. Сначала лопнул такелаж правого стабилизатора — трос с визгом хлестнул по обшивке, срывая медную облицовку гондолы. Затем днище чиркнуло по верхушкам вековых сосен, и град сбитых шишек забарабанил по стеклу кабины, словно природа швырялась камнями в железное чудище. А потом «Стрекоза» врезалась в землю.

К счастью, это была грязь, жирный чернозем, перемешанный с прошлогодней соломой. Гондола пропахала в поле глубокую борозду, смяв носовой обтекатель в гармошку. Звякнув напоследок лопнувшей пружиной часового механизма альтиметра, дирижабль замер, накренившись набок, став похожим на подбитую утку.

Талия отстегнула ремни безопасности, и прислушалась к шипению остывающего металла и гулу в собственной голове. На скуле саднила рана, но руки-ноги были целы. Она выбила ногой заклинившую дверь и вывалилась наружу, прямо в холодную жижу.

Пахло прелым сеном и озоном. Она подняла взгляд на

остов «Стрекозы». Из развороченного двигательного отсека торчала погнутая лопасть винта, с нее свисали клочья грязной парусины. Полгода чертежей. Бессонные ночи в мастерской, пропитанной запахом масла и канифоли. Все это сейчас лежало в грязи, дымилось и никуда не летело.

— Дьявол и все его шестерни, — выдохнула она, снимая гоглы. Стекло левого окуляра покрывала паутина трещин. — И как я теперь отсюда выберусь?

Она огляделась. Поле уходило вниз по пологому склону к россыпи больших, замшелых камней. В ушах все еще звенело после аварии, и этот звон казался оглушительным на фоне абсолютного, непривычного безмолвия. Ни паровозного гудка, ни лязга шестерен. Только ветер и тревожное карканье ворон вдалеке.

Из-за валуна, словно призрак, появился человек.

Он был высок, но сутул, одет в странную одежду — грубую серую рубаху до колен, перетянутую простой веревкой, и штаны из некрашеного льна. В руках он держал длинный посох, за спиной висел кожаный мешок. На вид ему было не больше восемнадцати. Русые волосы спутаны соломой, а глаза, светло-карие, почти медовые на солнце, смотрели на обломки «Стрекозы» с таким первобытным ужасом, словно

перед ним лежал огнедышащий дракон, а не куча металлолома.

— Ты кто? — голос Талии прозвучал хрипло. Она машинально положила руку на бедро, где под плащом висела кобура с газовым пистолетом.

Парень вздрогнул от звука ее голоса, но не убежал. Вместо этого он медленно перевел взгляд с дымящихся обломков на нее. В его глазах читалась напряженная работа мысли. Он смотрел на ее кожаный корсет со множеством кармашков для инструментов, на медные пряжки высоких сапог, на сложный узел волос, стянутый спицами с латунными головками. Для него она выглядела как пришелец с Луны.

— Ты... изобретательница, — констатировал парень. Голос у него был низкий и спокойный, но с нотками обреченности.

Талия выпрямилась, отряхивая грязь с плаща. Скрывать очевидное было глупо. От ее одежды несло машинным маслом и каленым железом за версту.

— Положим, да. Меня зовут Талия. Я потерпела аварию. Где я нахожусь?

— В Белых Камнях, — ответил он, подходя ближе, но держась на почтительном расстоянии от гондолы. Он обошел ее по кругу, разглядывая сломанный пропеллер. — Уходи отсюда. Быстро.

— Куда? — она усмехнулась. — Мой летательный аппарат больше никуда не полетит.

— Летательный... — повторил он, пробуя слово на вкус. — Не важно. Прячься. Вон там, за валунами есть овражек, кусты густые. Сиди и не высовывайся.

— Я не собираюсь прятаться, мне нужна помощь. Нужны инструменты, вода. Кто у вас здесь главный?

— Старосту позвать хочешь? — голос парня зазвонил тревожными колокольчиками. — Хочешь, чтобы тебя на костер отволокли, как ведьму? У нас тут знаешь, как с такими, как ты? В прошлом году у кузнеца Ларса плуг сломался, так он новое крепление железное выковал, с хитрым зажимом. Все-го-то железяку придумал, чтобы волов легче запрягать. Так его три дня в колодках у колодца держали, пока не покаялся, что бесов из металла выпускает. А ты тут... с небес на железной птице упала.

Холодок пробежал по спине Талии, и это не было связа-

но с промокшими сапогами. Она читала о таких поселениях в этнографических вестниках Имперской Академии, но считала это сказками для непросвещенных масс. Общины, отвергающие Пар и Зубчатое Колесо. Адепты «Чистой Земли». Они жили натуральным хозяйством и верили, что любой механизм, сложнее дверной петли, — это порождение Скверны.

— Ты серьезно? — спросила она одними губами.

— Я серьезен, как похоронный звон, — парень перехватил посох поудобнее и оглянулся на деревню, скрытую за холмом. — С минуты на минуту сюда прибегут пацаны с выгона. Они уже слышали грохот. Они расскажут всем. Если они увидят тебя здесь, рядом с этим, тебе конец. Я тебя не знаю, но смотреть, как кого-то жгут заживо, не желаю. Спрячься в овраге. Я отвлеку зевак, а как стемнеет — вернусь.

— Зачем тебе мне помогать? — спросила Талия, уже понимая, что выбора у нее нет. Пистолет был бесполезен против целой деревни разъяренных фанатиков.

— Затем, что я пастух, а не убийца, — буркнул он. — Меня Данко звать. Жди и молчи, как рыба.

Он не дал ей времени на возражения. Только угостил куском подсохшего хлеба и оставил бутылку с водой. Легко, почти бесшумно для своей комплекции, он метнулся к краю поля и махнул рукой в сторону зарослей орешника. Талия, пригибаясь и ругаясь сквозь зубы о каждом торчащем корне, нырнула в овраг.

Данко не обманул. Не прошло и четверти часа, как на поле высыпала ватага чумазных мальчишек. Они орали, тыкали пальцами в «Стрекозу» и норовили подойти поближе. Данко вышел им навстречу, размахивая посохом.

— Назад, чертенята! — рявкнул он так громко, что Талия услышала даже в своем укрытии. — Это проклятое место! Чуму железную принесло! Не смейте касаться, а то руки отсохнут! Бегом в деревню, пусть отец Марк кадит тут зверобоем и водой из ручья кропит!

Мальчишек как ветром сдуло. Данко еще немного постоял у обломков, делая вид, что охраняет покой селян от демонов механизма, а затем, убедившись, что родители любопытных детей еще не выдвинулись на разведку, быстрым шагом направился в сторону деревни.

Талия осталась одна. Сидеть в кустах было холодно и унижительно. Она, выпускница Высшей Технической Школы,

обладательница патента на роторный эндотермический компрессор, сидит в канаве, как бездомная кошка. Ирония судьбы, достойная дешевого романа.

Данко почти бежал. Грязь чавкала под сапогами, тяжелое небо давило свинцом. Дом стоял на отшибе, сразу за кузницей. Он толкнул дверь и замер на пороге. В доме пахло застарелым дымом очага и пустотой — тот особенный запах жилья, где давно не звучал женский смех.

Он бросился к большому сундуку в углу горницы. Тому самому, который отец не открывал уже пять зим. Крышка скрипнула так жалобно, что у Данко защемило где-то глубоко внутри. В сундуке лежали вещи матери, аккуратно переложенные сухой лавандой. Он помнил этот запах. Запах ее рук, когда она гладила его по голове перед сном. Волос. Он закрывался ей в волосы, когда плакал.

Он осторожно вытащил платье. Простое, длинное, из темно-зеленой шерсти с вышивкой красными нитками по вороту. Оно пахло мамой, домом, теплом. Для Талии оно будет великовато, но это лучше, чем ее дьявольский кожаный наряд, по которому ее опознает любая собака.

Он встряхнул платье, и в этот момент половицы позади него предательски скрипнули под тяжелым весом.

— И что же это ты там потерял?

Данко застыл, чувствуя, как жар приливает к щекам, обернулся, комкая платье в руках. Как нашкодивший ребенок, застигнутый врасплох.

В дверях стоял отец. Огромный, кряжистый, с лицом, изрезанным морщинами, словно старая кора дуба. Его звали Горан. Он только что вернулся из кузницы — на нем еще был кожаный фартук, прожженный искрами в сотне мест, а рукава рубахи закатаны до локтей, обнажая бугрящиеся мышцы и шрамы от окалины. Он опирался на длинный сверток в промасленной тряпице. Только что скованный меч. Работа на заказ для старосты, дань традиции в мире, где мечом давно не воюют, а носят как оберег.

Взгляд отца упал на зеленую ткань в руках сына, потом на раскрытый сундук, потом снова на лицо Данко. Тяжелая ладонь сжала сверток так, что костяшки пальцев побелели.

— Это платье матери, — голос Горана звучал глухо, как удар молота по наковальне. — Зачем оно тебе? Кого ты собрался наряжать, сын?

Данко понимал: врать отцу бесполезно. Горан чуял ложь, как старый лис чувствует добычу. Он разжал пальцы, и платье мягко сползло на крышку сундука.

— Отец, там... на дальнем поле. С неба упала железная птица. Или лодка. Я не знаю, как это назвать.

Горан нахмурился, и его брови сошлись на переносице в одну линию.

— Я слышал грохот. Думал, гром, хоть и небо чистое.

— Это ди-ри-жабль, — неуверенно приговаривал каждую букву незнакомого слова Данко. — Я слышал о таких... — Он осёкся, но продолжил. — Он летает без магии, силой горячей воды и пара. Внутри была... женщина.

Горан поднял брови. Слово «женщина» здесь было второстепенным. Главным было то, что она прилетела на этом.

— Ты хочешь сказать, что к нам на поле рухнула Изобретательница? — прохрипел Горан. — Еретичка? Машинистка?

— Она живая, — твердо сказал Данко, глядя отцу прямо в

глаза. — Я спрятал ее в овраге у Чертова Камня. Она ранена и напугана. Если староста узнает, ее сожгут. Ты же знаешь закон Чистой Земли. Огонь очищает от Скверны.

— И поделом! — рявкнул Горан, ударив кулаком по дверному косяку. — Эти придумки могут погубить мир! Не для того наши деды уходили в леса, чтобы всякие девицы портили воздух своим смрадом!

Данко шагнул вперед. Он был уже не мальчиком, которого можно было отшлепать. Он вырос.

— Мама тоже была чужачкой, забыл? — Каждое его слово упало тяжело, как камень в воду.

От этих слов Горан замер, словно громом пораженный. Он медленно повернул голову к стене, где в красном углу висел выцветший от времени портрет. Молодая женщина с добрыми глазами и такими же, как у Данко, медовыми переливами во взгляде. Она улыбалась. Она тоже пришла сюда откуда-то из-за гор. Она бежала от нелюбви. Родители хотели выдать её замуж по расчету, но и ее местные бабы до самой смерти называли «неместной».

А Горан любил её. С самой первой встречи любил. За её мечтательность, доброту, за медовые глаза и нежную улыбку.

За руки, которые умели исцелять. Она была травницей.

Данко поднял платье.

— Я хочу дать ей это. Чтобы ее не узнали. Мы не обязаны ее любить или ее механизмы. Но и убивать только за то, что она умеет чинить часы, мы тоже не имеем права. Это не по-людски.

Горан долго смотрел на портрет жены. Ветер за окном раскачивал ставню, и скрип петель был похож на вздох. Он вспомнил, как пять лет назад, зимой, держал ее холодную руку. Как в доме стало пусто и неудобно. Как перестало пахнуть свежим хлебом по утрам. Он снова посмотрел на смятое платье в руках сына. Платье пахло лавандой. Жизнью. Памятью.

— Ладно, — выдохнул он, и голос его надломился, потеряв железную твердость. — Приводи.

Данко моргнул, не веря своим ушам.

— Правда?

— Сказал же — приводи, — Горан отвернулся к очагу, делая вид, что поправляет угли кочергой. — В доме бардак. Пыль по углам. Еды толком нет, едим что попадая, как свиньи.

Нужна женская рука.

Он снова покосился на портрет. В отблесках огня казалось, что нарисованная женщина одобрительно улыбается ему.

— Только предупреди свою летунью, — добавил кузнец уже жестче, беря в руки сверток с мечом и со стуком кладя его на верстак. — Если она притащит в мой дом свои железные бесовские игрушки или начнет чадить своей вонючей гарью, я ее самолично вышвырну за порог. Хватит с меня. Одно неверное движение, и пусть староста делает с ней, что хочет. Понял?

— Понял, отец, — Данко, счастливо улыбнувшись, прижал к груди платье и выскочил за дверь в наступающие сумерки.

Он бежал к оврагу, слыша, как сзади доносится мерный, тяжелый стук молота. Горан не смог сидеть без дела. Тревога всегда загоняла его в кузницу, к наковальне, к огню. И пока он стучал молотом, Талия была в безопасности. По крайней мере, на эту ночь.

Глава 2. Запах лаванды

Сумерки сгустились над Белыми Камнями, превратив деревню в россыпь тусклых желтых огоньков, дрожащих за слюдяными окошками. Данко вел Талию окольными тропами, подальше от главной улицы, где у колодца еще судачили кумушки о «небесном знамении». Платье матери оказалось Талии почти впору — лишь в плечах широковато, да подол пришлось подобрать, чтобы не мести грязь. Свою одежду, пропахшую маслом и дымом, она свернула в тугой узел и спрятала под подол платья, прикрепив кожаным ремнём на бедре.

— Сюда, — шепнул Данко, отодвигая плетень у заднего двора кузницы. — Отец ждет.

Талия ступила на утопанную землю двора и невольно поежилась от ощущения, что она шагнула на сто лет назад. Ни одного фонаря с карбидной лампой, ни одного гудящего трансформатора. Только огромная луна, висящая над крышей кузницы, да красноватые отблески горна, пробивающиеся из кузницы.

Дверь распахнулась раньше, чем Данко успел взяться за ручку. На пороге стоял Горан. Талия подняла голову и встре-

тилась с ним взглядом.

Кузнец замер.

Он ожидал увидеть что угодно. Чумазую ведьму с безумными глазами, увешанную шестернями. Или сухопарую девицу с вечно недовольным лицом, какие рисуют в памфлетах против Технического Прогресса. А увидел... её.

В неверном свете луны темно-зеленая шерсть платья отливала серебром. Красная вышивка по вороту мягко обрамляла бледное, чумазое, но удивительно тонкое лицо. Талия смотрела на него настороженно, исподлобья, но в ее глазах не было ни злобы, ни высокомерия — только усталость и затаенный страх загнанного зверя. Ветер шевельнул выбившуюся из-под платка прядь темных волос.

У Горана перехватило дыхание. Пять лет. Пять долгих лет он не видел, как это платье сидит на живой женщине. Он смотрел на Талию и видел призрак Милены — такой же молодой, такой же чужой в этом суровом краю, но держащей спину прямо. Давно, очень давно он не испытывал этого щемящего чувства в груди. Это была не любовь и не страсть — это была острая, как нож, тоска по дому, в котором снова пахнет не только окалиной и углем, но и чем-то живым, теплым.

— Заходи, — голос Горана прозвучал хрипло, но не грубо. Он отступил в сторону, пропуская ее в горницу. — Нечего на пороге стоять, ночь сырая.

Талия шагнула внутрь, оглядываясь. Обстановка была спартанской: большой стол, грубо сколоченные лавки, печь с лежанкой, полки с глиняной посудой. Но в углу, в красном свете лампы, висел портрет. Талия сразу поняла — это та самая женщина, чье платье она надела, та же вышивка на вороте, что сейчас сжимала ее собственную шею. Она ничего не сказала, только перевела взгляд на Горана, который все еще стоял у двери, словно боялся подойти ближе.

— Ужинать будем? — спросил Данко, нарушая неловкое молчание. Он уже хлопотал у печи, доставая чугунок с остатками вчерашней каши.

Талия вдруг встрепелась. Усталость отступила перед профессиональной привычкой: любую систему можно оптимизировать. Кухня — та же система.

— Я приготовлю, — сказала она тихо, но твердо. — Если позволите. У вас есть мука, яйца, может быть, немного зелени?

Горан и Данко переглянулись. Данко пожал плечами и указал на полку в углу.

— Мука есть. Яйца в корзине у печи. Зелень... мята сушеная, чабрец. И сало в бочонке.

— Сойдет, — Талия закатала рукава платья, обнажая предплечья, и вдруг остановилась.

Она принялась месить муку с водой и яйцом, добавляя щепотку соли и крошево сухих трав. Движения были уверенными, хоть и немного скованными — сказывалось отсутствие привычных точных весов.

Талия поймала себя на мысли, что делает это почти механически, как в своей мастерской. Но сейчас под ее пальцами были не холодные шестерни и рычаги, а теплое дерево скалки и прохладное тесто.

— Ты умеешь, — заметил Данко, с интересом наблюдая, как она ловко раскатывает лепешку.

— Моя мать говорила: «Если можешь собрать паровой котел, сможешь и хлеб испечь. Везде нужны руки и голова», — ответила Талия, и впервые за этот бесконечный день на ее губах мелькнула слабая, почти незаметная улыбка. — Она была портнихой, но готовила так, что соседи в очереди сто-

или за ее пирогами с требухой.

Горан молча сидел на лавке, вытянув тяжелые руки на столе. Он смотрел, как пламя печи играет бликами на зеленой ткани платья, как Талия, чуть прикусив губу от усердия, переворачивает лепешки на сковороде. Аромат печеного теста и чабреца поплыл по горнице, вытесняя из сердца кузнеца и его сына, ставшую уже привычной, пустоту.

Когда она поставила перед ними деревянное блюдо с горкой румяных лепешек, политых растопленным салом, и глиняные кружки с травяным отваром, Горан взял лепешку. Она была горячей, хрустящей по краям и мягкой внутри. Он откусил и закрыл глаза.

Вкус был простой, даже грубый, но в нем чувствовалась забота. Не выученная или по обязанности, а та, что идет от желания сделать хорошо. От желания накормить.

— Вкусно, — сказал он коротко. И это одно слово стоило сотни комплиментов.

Ужин прошел в неловком молчании и робком принятии нового жильца. Только ложки постукивали о глиняные миски да потрескивал фитиль в лампаде.

Когда тарелки опустели, а масло в лампаде почти выгорело, Горан поднялся. Он подошел к сундуку, порылся в нем и вытащил грубое, но чистое одеяло и две овчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.